

ФОРМИРОВАНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

О. В. Лагутин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассмотрен феномен мобилизационной модели экономики Советского Союза в межвоенный период через концепции технологических зон Олега Григорьева и маятниковой модели управления Александра Прохорова. Данные концепции позволяют проанализировать структурные особенности советской технологической зоны и ее отличия от технологических зон капиталистических экономик. Также показано, что отечественная технологическая зона могла быть образована только в мобилизационных условиях, когда была сформирована государственная система управления, обеспечивающая высокий уровень мобилизации ресурсов и их перераспределения на особые стратегические направления развития. Аварийная система управления создает мобилизационный тип экономики, который характеризуется: определением приоритетных экономических единиц (от отраслей экономики до предприятий), имеющих стратегическое значение; централизованным управлением, долгосрочным планированием; концентрацией инвестиционного капитала в производственный сектор; широким государственным участием в экономической сфере. Ярким историческим прецедентом эффективной мобилизационной экономики является сталинская экономическая модель, благодаря которой Советский Союз одержал экономическую победу над Германией уже в конце 1942 г. Выбранные приоритеты советской экономики сталинского периода являются актуальными и сегодня: военно-промышленный комплекс; топливно-энергетический комплекс; агро-промышленный комплекс; транспортная система; система образования. Благодаря развитию этих приоритетных социально-экономических сфер советского периода Российская Федерация имеет огромную и уникальную научно-технологическую, производственную и кадровую базы. В СССР после второй мировой войны реализовывалась инновационная модель развития государства, которая делает ставку на производство нового знания.

Ключевые слова: технологическая зона, мобилизационная модель, разделение труда, конкуренция администраторов, территориально-производственные комплексы.

Мобилизация представляет собой многомерный феномен в российской политической истории, который всегда выражался в определенных способах концентрации ресурсов для ускоренного развития наиболее важных сфер жизнедеятельности государства и общества, где наметилось отставание от мирового уровня, что в свою очередь было чревато потерей суверенитета. В российской истории было множество мобилизационных проектов — удачных и провальных, эволюционных и по-своему революционных. Два модернизационных про-

екта — «Петровский» и «Сталинский» — вывели страну из положения мировой периферии в ранг великих держав, мировых лидеров. Несмотря на разность исторических эпох, движущих сил, объединяет эти проекты глобальность задач, формирование нового мировоззрения, объединяющая идея онтологического свойства, появление нового социального слоя, опосредующего конкурентные отношения внутри общества. Также оба проекта характеризуются высоким уровнем мотивации основной части населения в мобилизационных процессах.

Цель работы — проанализировать специфику формирования мобилизационной модели экономики в период советской индустриализации. Задачи исследования: рассмотреть предпосылки формирования мобилизационной модели экономического развития страны; раскрыть особенности образования советской технологической зоны в 20–30-х годах XX в.; рассмотреть политико-институциональное обеспечение мобилизационного развития советского государства в нестабильной фазе развития; охарактеризовать эффекты и результаты реализации мобилизационной модели развития в СССР в предвоенный период.

Русская государственность сложилась на территории с рисковым способом ведения хозяйства, который объективно производил меньше прибавочного продукта, чем в Европе. Также перманентная внешняя угроза, сопровождавшаяся многочисленными войнами, необходимостью выплаты дани различным завоевателям вплоть до XVIII столетия (Константинопольский мирный договор 1700 г.), не давала возможности конкурентного развития государства, что и определило его отставание от западноевропейской цивилизации. Необходимо отметить, что русское государство неоднократно находилось под угрозой исчезновения. Этот цивилизационный тупик был преодолен созданием абсолютистского государства с выраженной концентрацией власти в одних руках, что давало возможность осуществлять тотальную мобилизацию и перераспределения ресурсов на выбранные ключевые направления развития, где страна имела потенциальные перспективы либо намечалось сильное отставание от геополитических конкурентов.

В первой половине XX столетия, несмотря на две кровопролитные мировые войны, результаты которых явились своеобразным катализатором формирования новых систем международных отношений, основным полем конкурентной борьбы мировой цивилизации стала экономическая сфера. Если на протяжении всей мировой истории вплоть до конца XIX в. основная часть мировых конфликтов решалась военным способом и военно-политический потенциал государства был ключевым инструментом цивилизационного прогресса, то с начала XX в. конкурирующей единицей мирового прогресса становится промышленное предприятие в различных формах и видах. Военный инструментарий становится дополнительным средством конкурентной борьбы, эффективность которого уже напрямую зависит от возможностей экономической системы. Данный переход обусловлен окончанием цикла британского накопления капитала, характеризовавшийся появлением группы развитых индустриальных держав, рожденных промышленной революцией и как следствие — образованием колониальной системы. Динамика экономического и политического развития этих стран определялись как минимум двумя ключевыми факторами:

- удачное близкое расположение залежей каменного угля и железной руды, что при использовании технологии пудлингования, а затем мартеновского процесса, давало возможность получать сталь высокого качества и в больших объемах с низкими издержками [Верхотуров, 2014]. То есть угольно-металлургический кластер стал материальной основой массового использования машинного производства сначала в Великобритании, а затем с помощью инструмента эмуляции — в других странах Европы, США, а позднее — в Японии и Российской империи;
- стратегический выбор в экономической политике указанных стран в пользу обрабатывающей промышленности как генерального института экономического развития и благосостояния.

Ставка на обрабатывающую промышленность давала возможность дальнейшего экономического и технологического развития страны за счет экономии на масштабах — растущей отдачи при снижении издержек производства, роста экономической занятости населения и демографического роста страны в целом, развития системы образования в том числе массового. В данных государствах «создавалась рента, распространявшаяся на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме высоких зарплат и на правительства в форме больших налоговых поступлений» [Райнерт 2014, с. 36–37].

Таким образом, первыми державами на мировой арене становились государства с промышленно развитой экономикой. Экономический потенциал был конвертирован в военный и политический через создание технически оснащенных массовых армий и парового флота. Это дало возможность силовым образом подчинить экономически и политически другие страны, обеспечив себе за счет них свою ресурсную базу. Это был пик развития индустриального способа хозяйственной деятельности, в рамках которого, как показала история, могли сосуществовать и конкурировать капиталистический и социалистический способы производства.

Европа создала экономическую власть, которая обеспечила ее превосходство в экономии на масштабах с использованием вооруженных сил при необходимости. Во второй половине XIX в. сформировался блок государств с североатлантическим центром, имеющих идентичную структуру индустриального способа хозяйствования, институциональной основой которого была обрабатывающая промышленность.

Что касается России того времени, то к Донецкому угольному бассейну, открытому еще в 20-е годы XVIII столетия, добавился Криворожский железорудный бассейн, географически расположенный рядом, но обнаруженный в 1865 г. К 1880 г. это уже был мощнейший промышленный кластер, катализировавший структурные трансформации в отечественной экономике и играющий роль ключевого фактора капиталистического развития в масштабах всей империи. Также здесь следует отметить наличие уже развитого к этому периоду Бакинского нефтегазоносного района — тоже промышленно-энергетического драйвера страны. В период царствования Александра III наблюдался экономический рост в целом, развитие промышленного сектора, техническое оснащение

армии и флота. Было положено начало реализации уникального даже по современным меркам мегапроекта — Транссибирской железнодорожной магистрали. Этим достижениям способствовали меры законодательного стимулирования промышленной политики, а также использование инструментов защиты отечественной экономики от мировой, введение Таможенного устава в частности. Необходимо отметить, что протекционистский путь в своей экономической эволюции проходили все развитые страны для защиты национальной нарождающейся промышленности от других «свободных» экономик, прошедших свой этап экономической изоляции, достигших высокого уровня конкурентоспособности и ставших на путь экспансии за пределы национальных границ. Россия проходила свой путь индустриализации, и к началу правления Николая II это была уже индустриально развитая страна с дешевой рабочей силой, что уже по тем временам было уникально.

Однако политика экономической открытости и включенности в мировую экономическую систему, начатая императором Николаем II, привела к экспансии иностранного торгового капитала, разорению отечественного реального сектора и утечке капитала из страны. «Одними из первых инвесторов в России были французские и бельгийские предприниматели, которые вложили значительные средства в создание металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Немецкие капиталы концентрировались в горнодобывающей и химической промышленности, а английские предприниматели специализировались на добыче и переработке нефти. Иностранный капитал контролировал в России почти 90 % добычи платины; около 80 % добычи руд черных металлов, нефти и угля; 70 % производства чугуна...» [Паршев, 2018, с. 67]

Реформы Александра II и контрреформы Александра III осуществлялись в рамках «западного» проекта, экономика была встроена в «германскую технологическую зону», поэтому отечественная мобилизация не была проектной, что не позволило на тот исторический момент создать экономическую систему, равную «западной». Это обстоятельство напрямую сказалось на военно-техническом и тыловом обеспечении вооруженных сил в период Великой войны и на ее результатах, что в конечном итоге предreshило демонтаж всей государственной системы.

Советский мобилизационный проект обладал всеми характерными особенностями модернизационного рывка. Была образована цивилизационная альтернатива мировому капиталу, за счет которого создана экономическая модель мобилизационного типа, результативно функционировавшая с конца 20-х до конца 50-х годов XX столетия. Великая Отечественная война стала и своеобразным тестом на экономическую выживаемость страны, и катализатором технологического перевооружения всех хозяйственной системы.

Изучение опыта функционирования мобилизационной экономики сталинского периода на сегодняшний день приобретает особую актуальность и междисциплинарный характер научных исследований. Экономическая политика современного российского государства с переменным успехом пытается внедрить элементы мобилизационной модели для нейтрализации последствий политики в рамках Вашингтонского консенсуса. Можно констатировать, что

в настоящий момент произошла трансформация целых сегментов исполнительной власти в особые виды экономической деятельности, основанной на эксплуатации властных полномочий, задача которых — стимулирование развития соответствующего сектора экономики. Были предприняты меры по ограничению проникновения транснациональных корпораций в стратегически важные отрасли российской экономики — на законодательном уровне подлежали ограничению иностранные инвестиции в 42 вида деятельности, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности России [Гуань Сюэлин, Чжан Мэн, 2017, с. 74]. К тому же была проведена национализация энергетической отрасли, а путем учреждения государственных холдингов в стратегических отраслях экономики государство вернуло себе контроль над экономикой страны. Поэтому кризис мировой глобальной системы и переход человечества в посткапиталистическую фазу развития диктуют особую роль государства в экономической сфере, направленную на расширение мобилизационно-перераспределительных функций для сохранения экономического и политического суверенитета и концентрации ресурсов на инновационных направлениях развития общества. Обозначенные тренды экономической политики современной России требуют научного обоснования и подкрепления, что и подтверждается широким исследовательским интересом и массовыми публикациями на тему сталинской мобилизации в предвоенный период и период Великой Отечественной войны как уникального революционного управленческого опыта.

Рассматриваемая проблематика достаточно многогранна и представлена многочисленными исследованиями теоретического и прикладного характера. Можно отметить авторский коллектив: Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин, которым были написаны множество научных работ, направленных на изучения генезиса и эволюции обществ мобилизационного типа с акцентом на исторические практики [Гончаров, Баканов, Гришина, Пасс, Фокин, 2013]. Также коллектив исследовал российское общество через призму мобилизационной модели, описав механизмы привлечения трудовых и финансовых ресурсов с использованием различных видов управленческого инструментария.

Финансовая составляющая мобилизационной политики периода правления И. В. Сталина отражена в работах Ю. И. Мухина [Мухин, 2009], А. С. Соколова [Соколов, 2012]. К комплексным исследованиям экономической основы победы СССР в Великой Отечественной войне относится монография под редакцией И. В. Караваевой, где авторы попытались объективно проанализировать все факторы формирования и особенности советской экономической системы в довоенный и военный период, делая акцент на специфику советского менеджмента в условиях военных действий. Рассмотрен вклад держав Запада в индустриальном подъеме СССР [Караваева, 2015]. Также необходимо выделить труд В. Ю. Касатонова «Экономика Сталина», который системно анализирует «сталинский» тип экономики в его сравнительной перспективе.

В качестве методологической основы нашего исследования взяты концепции технологических зон О. В. Григорьева и маятниковой модели управления А. П. Прохорова. Концепция технологических зон хорошо объясняет структур-

ную сущность экономической системы всех пяти существовавших технологических зон и советской технологической зоны в частности, что более ясно раскрывает экономическую сторону Великой Победы. Концепция маятниковой модели управления позволяет анализировать развитие отечественной системы государственного управления через переходы от стабильной к нестабильной ее фазе.

Технологическая зона представляет собой сферу хозяйственной деятельности индустриально развитого государства, обладающего суверенной экономикой, способной в полном объеме обеспечивать всеми необходимыми товарами и услугами свое население. Институциональным локомотивом появления и дальнейшего расширения технологических зон является постоянное углубление разделения труда, обеспечивающее экономию на масштабах. Причем разделение труда имеет технологический, а не естественный характер. Уровень разделения труда определяется множеством сфер профессиональной деятельности, что возможно только при индустриальном способе хозяйственной деятельности. Таким образом, уровень разделения труда — это ключевой критерий экономической стратификации стран в данной теории. Важной переменной в этом процессе является наличие потребителя — экономически активного платежеспособного объекта, за счет которого и расширяется технологическая зона. Причем глубина уровня разделения труда должна соответствовать определенному критическому количеству потребителей конкретной технологической зоны.

Со временем технологическая зона пополняется другими индустриально развитыми странами, что обуславливает большую эффективность разделения труда. Страна доминант, образовавшая технологическую зону, наделяет ее своей национальной институциональной спецификой, выражающейся через технологическую структуру национальной экономики и выработанный практикой способ распределения произведенных материальных благ. Также внутри зон имеются своего рода драйверы экономического развития — кластеры, представляющие совокупности производств, как правило, в одной и той же отрасли. Синергетический эффект кластера определяется более высоким уровнем разделения труда и расширяющим рынком, чем в среднем по конкретной отрасли в окружающей экономической среде [Григорьев, 2014, с. 30].

Конкуренция между отдельными странами внутри одной технологической зоны сведена к минимуму, так как властные отношения здесь вертикально интегрированы. Конкуренция между технологическими зонами достаточно динамична. Две мировые войны — это борьба технологических зон за новые рынки, за более углубленное разделение труда. В основе германской технологической зоны лежало разделение труда между территориями странами, входящих в эту зону, к началу второй мировой войны это были не только традиционные территории Северной и Восточной Европы, но и территории Южной и Западной Европы, которые являлись нейтральными государствами или даже находились в составе британской технологической зоны.

Таким образом, Германия, не имея колоний, как Великобритания, с помощью различных инструментов, включая военный, создала технологическую зону в территориальных границах континентальной Европы, что структурно отличало

ее от британской, американской и японской технологических зон. Был образован достаточно емкий рынок с высокой плотностью населения, которое представляла собой платежеспособного потребителя и квалифицированную рабочую силу. Институциональным механизмом экономической интеграции «Германской Европы» стали промышленные кластеры, которые были характерны для капиталистического способа производства, функционирующие в условиях конкурентного рынка, основанные на самоуправляемости межотраслевых систем и имеющие гетерархическую организационную структуру. Территориально промышленные кластеры концентрировались в экономически развитых районах с высокой плотностью населения, которых в Европе было немало. Кроме Германии они находились в Северной Франции, Голландии, Бельгии, Чехии, Швеции, Австрии, Италии. К тому же территориальная составляющая кластеров не была жесткой.

Советская технологическая зона стала формироваться по окончании гражданской войны. Для ее формирования необходимы были:

- большое географическое пространство, дающее возможность тактического маневра в случае военных действий и обладающее набором необходимых природных ресурсов;
- большой демографический потенциал;
- цивилизационный уровень трансценденции;
- наличие индустриального сектора как основы экономики жизнедеятельности;
- современный уровень развития вооруженных сил.

Первые два условия у молодой Советской республики были изначально согласно закону социальной регенерации, сформулированному А. Зиновьевым: — «...если какое-то общество разрушается, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания, то из обломков этого общества развивается новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному» [Зиновьев, 1995, с. 30]. То есть для возрождения социальной системы необходимы переменные — территория и демография. Несмотря на определенные потери в территориях и населении после Великой и Гражданской войн, оба этих признака не утратили свои потенциалы для возможной регенерации. Объединяющая идея трансцендентного свойства в виде коммунистической идеологии была самым мощным из всех вышеперечисленных условий, она имела интернациональный характер и в перспективе могла стать связующим звеном присоединения целых стран к своей технологической зоне, что и произошло после Второй мировой войны. Вооруженные силы существовали, и в большом количестве, их создание в ходе Гражданской войны уже было эффективным организационным продуктом революционного характера, однако техническая оснащенность армии значительно уступала технической оснащенности вооруженных сил геополитических противников Советской России. Экономика находилась в состоянии разрухи, доля функционирующего индустриального сектора была мизерной. Но был опыт прошлого строительства индустриального государства, были кадры. Таким образом, основные условия создания своей технологической зоны изначально имелись.

С точки зрения отечественной парадигмы государственного управления в поствоенный исторический момент в Советской России наметились все условия перехода от стабильной системы управления к нестабильной (аварийной). Стабильное состояние системы характеризуется поддержанием ее консервации на каждом уровне управленческой иерархии, что не способствует необходимым ее преобразованиям для обеспечения должного уровня конкурентоспособности. Со временем наступает точка бифуркации, обусловленная технологическим отставанием в силу застойных (стабильных) состояний системы и катализированная, как правило, внешними вызовами. Угроза превращения России в полуколонию и потери государственного суверенитета заставляла политическую элиту переводить систему государственного управления в нестабильный режим и навязывать бюрократическому аппарату и всему обществу мобилизационный характер деятельности. «Приметы нестабильности — ужесточение наказаний, ускорение движения кадров, неуверенность каждого, непредсказуемость характера работы, короче, повышенная степень неуверенности, неопределенности во всех вопросах. В таких условиях участниками управленческого процесса становится более выгодно и безопасно не противопоставлять свои интересы целям организации (в широком смысле этого слова), а работать на их достижение. Оказавшись в кризисной, нестабильной ситуации, кластерные единицы мобилизуют внутренние ресурсы и резко повышают результативность своей работы» [Прохоров, 2017, с. 71].

В период нестабильности системы начинают работать три ключевых политико-управленческих институции, которые определяют ее управленческий результат: мобилизация и перераспределение ресурсов на ключевые направления деятельности; создание централизованных контролирующих структур; автономность низовых подразделений. Российская система управления в ходе истории научилась обеспечивать более высокую степень мобилизации ресурсов в аварийный период, нежели системы управления других стран. Это выразилось в первую очередь в масштабной мобилизации как людских, так и материальных ресурсов, которые затем перераспределялись на особые стратегические направления, такие как обеспечение обороноспособности страны, строительство оборонных сооружений, новых городов оборонного и экономического значения и т. д. Происходила мобилизация ресурсов с второстепенных с точки зрения власти сфер деятельности, а далее шло перераспределение этих ресурсов в наиболее перспективные сферы. Мобилизационные возможности были неограниченны, что позволяло проводить при необходимости дополнительную мобилизацию. Механизм мобилизации и перераспределения ресурсов должен быть централизованным, поскольку именно централизация позволяла перераспределить и концентрировать ресурсы в стратегических сферах или сферах, которые отстают от мирового уровня.

Для перевода системы управления из стабильного режима в нестабильный в целях осуществления радикальных преобразований в приоритетных сферах жизнедеятельности государства и общества в России традиционно создавались параллельные управленческие структуры, выполняющие функции нейтрализации бюрократии, с одной стороны, и населения — с другой.

Как правило, параллельные структуры наделялись обширными полномочиями по использованию ресурсов подконтрольных организаций и предприятий. Данные полномочия не уравновешены соответствующими обязанностями, что позволяет этим образованиям смело рисковать чужими ресурсами для достижения целей [Прохоров, 2017, с.106]. Параллельными структурами в рассматриваемый период в системе управления являлись партийные организации во всех хозяйственных учреждениях. То есть было выстроено две вертикали управления экономикой — хозяйственная и партийная. В процессе перевода системы в аварийный режим функционирования добавлялась третья вертикаль в виде силовых структур. Примерами перевода системы из стабильного состояния в нестабильное служат множество организованных массовых акций и движений по популяризации социалистическихстроек, привлечение молодежи в ряды военно-воздушных сил или военно-морских сил республики, организация стахановского движения, призывы к освоению Арктики и территорий Дальнего Востока.

Партийные структуры выполняли надзорные функции в отношении директоров хозяйственных организаций на предмет должного выполнения плановых заданий и предписаний. В экстренных случаях секретари парткомов были уполномочены брать управление в хозяйственных учреждениях в свои руки, распоряжаясь всеми ресурсами по своему усмотрению. Силовые структуры выполняли контрольно-репрессивные функции в случаях грубого нарушения исполнения предписаний вышестоящих инстанций директорами предприятий или случаях попыток первых двух вертикалей согласовать совместные действия в обход этих предписаний. Этот триумвират эффективно зарекомендовал себя в начальный период войны в ходе организации эвакуации промышленности на территории Урала и Сибири.

В течение 20-х годов советская власть ликвидирует неграмотность населения и проводит коллективизацию сельского хозяйства, тем самым создавая нового потребителя из русского крестьянина посредством встраивания последнего в кластерную единицу — колхоз, который и обеспечивал платежеспособность для советской индустрии. То есть была решена принципиальная задача, которую не удалось решить П. А. Столыпину, по причине чего и не была образована технологическая зона в Российской империи, — возник потребитель как участник разделения труда. Демографический минимум для создания отечественной технологической зоны — 100 млн человек — в Советской России к 1930-м годам уже был достигнут.

В 30-е годы на территории СССР проводится политика экстенсивной индустриализации, в результате которой создается пятая по счету в мире технологическая зона. Мобилизационная стратегия и выбор приоритетов в пользу тяжелой промышленности, энергетики, агропромышленного комплекса, транспортных и образовательных систем были заложены в планах первых трех пятилеток с расширением спектра военных программ на общесоюзном и региональном уровнях, от министерств до первичных организаций и предприятий. Руководство Советского государства осознало необходимость стратегического выбора экономической политики в пользу развития промышленной индустрии.

стрии с растущей отдачей и синергетическими эффектами, которые решали и множество социальных задач. Эффект подобной политики, как показывала мировая практика (тот же опыт Германии), мог получиться за счет только внутреннего рынка, причем закрытого от внешней конкуренции, что и было реализовано путем введения государственной монополии на внешнюю торговлю. «Первая пятилетка намечала рост промышленности на 136 %, производительности труда — на 110 %, снижение себестоимости продукции в промышленном производстве должно было составить 35 %. При этом 78 % капитальных вложений направлялись в тяжелую промышленность — основу индустриализации народного хозяйства и обороноспособности страны» [Караваева, 2015, с. 55]. Военно-промышленного комплекса как отдельной корпорации в Советском Союзе еще не существовало, и большинство предприятий осуществляло заказы военных ведомств согласно государственному планированию. Организационная специфика мобилизационной модели экономики на случай большой войны заключалась в оперативном переводе производственных циклов большинства предприятий на интенсивный режим работы по выпуску военной продукции. В период второй и третьей пятилеток доля оборонных заказов в индустриальном секторе значительно выросла.

Советская власть осознавала все объективные сложности при построении нового индустриального государства — высокие издержки производства, связанные с суровыми климатическими условиями, «длинным транспортным плечом», неразвитостью инфраструктуры при большой протяженной и неосвоенной территории с малой плотностью населения. Чтобы свести к минимуму эти негативные факторы для создания советской технологической зоны, был выбран комбинатный принцип организации производства, структурными элементами которого стали территориально-производственные комплексы межотраслевого характера, где главную роль играли отрасли базисной группы. Функция последних была схожа с той, которую выполняли производственные кластеры в западных технологических зонах капиталистической экономики.

Однако концепция территориально-производственных комплексов предусматривала исключительно государственный жестко иерархический тип централизованного управления предприятиями, направленный на снижение издержек производства. «В рамках территориально-производственных комплексов между крупными вертикально-интегрированными заводами обмена информацией практически не происходило. Каждый завод имел свой план поставок изделий, который утверждался на общегосударственном уровне» [Рекорд, 2012, с. 322]. В условиях нестабильной системы управления государство навязывало низовым ячейкам конкуренцию администраторов, т. е. внутри каждой кластерной единицы отношения были неконкурентные, а между собой кластеры связываются уже конкурентными отношениями. Данный вид конкурентной борьбы был на несколько порядков сильнее, чем западная конкуренция, поскольку она ускоряла все общественные процессы и была более жестока. В качестве механизма организации конкуренции между кластерами могут выступать такие меры, как наделение победителя теми или иными преференциями символического или материального характера, или нерас-

пространение на победителя той или иной меры наказания. За минимальный срок достигалась максимальная сила конкурентного воздействия, что позволяло обеспечивать высокие темпы естественного отбора способных управленцев. Ресурсы перераспределялись намного быстрее, чем в ходе классической западной конкуренции, поэтому эволюция всех сфер жизни общества на фазе нестабильного состояния системы управления происходила в этот исторический период большими темпами. В результате такой конкурентной борьбы победителями выходили ведущие научные школы в определенных отраслях знания; конструкторские бюро в самолетостроении, танкостроении и т. д.; воинские подразделения, разбившие войска противника с минимальными для себя потерями; производственные комплексы, организовавшие деятельность, позволяющую перевыполнять планы и снижать издержки производства. Структуры, проигравшие конкурентную борьбу, в зависимости от сложности текущего момента могли быть нормативно прикреплены к деятельности победившей корпоративной структуры на вторых-третьих ролях, расформированы, или уничтожены.

Территориально-производственные комплексы предназначались для производства в отдаленных, неосвоенных регионах страны с неразвитой инфраструктурой и малым количеством населения. Инфраструктура здесь при низкой плотности деятельности является компенсирующим фактором. «...Все производство и потребление сконцентрировано в одной точке» [Григорьев, 2014, с. 21]. Ассортимент и количество производимой продукции территориально-производственного комплекса и каждой его структурной единицы определялись принципами экономического районирования, например, удачным сочетанием залежей необходимых природных ископаемых для возможности образования ресурсной базы вблизи предприятий, электрификацией производственных районов, а также особенностями климатических, логистических и других условий конкретного региона страны.

Таким образом, государством были организованы мегапроекты, ориентированные на освоение новых территорий с образованием экономической и социальной инфраструктуры, строительством новых городов, магистрализацией транспорта, что сопровождалось массовой социально-экономической миграцией. «В 30-е годы было развернуто строительство около 1500 объектов, 50 из них поглощали почти половину всех капиталовложений. Был воздвигнут ряд гигантских транспортных и промышленных сооружений: Турксиб, ДнепроГЭС; металлургические заводы в Магнитогорске, Липецке, Челябинске, Новокузнецке и Норильске, а также в Уралмаше; тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове; Уралвагонзавод; автомобильные заводы ГАЗ, ЗИС (позднее — ЗИЛ) и др. Всего до 1940 г. было построено около 9 тыс. предприятий, сформирован единый народнохозяйственный комплекс, создана мощная оборонная промышленность, построено большое количество предприятий-дублеров за Уралом...» [Касатонов, 2014, с. 50–51] Районирование производилось таким образом, чтобы максимально использовать структурные особенности большой территории страны для обеспечения национальной безопасности и иметь возможность производить все виды товаров и услуг темпами, соизмеримыми с западными.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз создал свою технологическую зону, имеющую потребителя в лице кластерных единиц, в первую очередь на основе предприятий с коллективным ведением сельского хозяйства и корпоративных цехов из расширяющегося в ходе урбанизационных процессов рабочего класса. Наличие потребителя обеспечивало возможность разделения труда и его углубления в ходе дальнейшей индустриализации. Параллельно этому способствовала политика ликвидации неграмотности среди населения, создание системы всеобщего образования разных уровней и школ фабрично-заводского ученичества в частности. Это давало возможность осуществить строительство масштабного индустриального сектора в отдельно взятой стране с ориентацией на внутренний рынок. Развитая индустрия изначально имела двойное назначение, и большинство производственных мощностей было ориентировано на выпуск продукции оборонного назначения, что, в свою очередь, обеспечивало материальную базу для создания современных вооруженных сил. Структурной особенностью советской технологической зоны стали территориально-производственные комплексы межотраслевого характера, которые могли обеспечивать результативно свою деятельность на неосвоенных территориях с малой плотностью населения и суровыми климатическими условиями. Применение управленческого типа деятельности с привнесением конкуренции в производственные кластеры давало быстрые результаты, производило селекцию эффективных управленцев, что было соизмеримо в конечном итоге с результатами деятельности капиталистических экономик.

Система государственного управления в тот исторический момент была переведена в аварийный режим функционирования, чему способствовали внутренние и внешние условия. Политической элитой были определены стратегические приоритеты развития страны, выполнение планов по которым осуществлялось через механизмы мобилизации и перераспределения ресурсов. Институционально данный процесс осуществляли через так называемые параллельные структуры, которые опосредовали перераспределительные функции, а структуры безопасности обеспечивали контрольно-репрессивные меры. Автономность низовых подразделений в этом процессе заключалась в свободном выборе мер для организации деятельности по выполнению задач, поставленных вышестоящими инстанциями. Это позволило Советскому государству создать экономическую систему, соизмеримую с ведущими экономическими державами различных технологических зон предвоенного времени.

На рисунке представлено графическое распределение данных валового внутреннего продукта по ведущим странам за 1940 г. как одного из ключевых критериев оценки экономического потенциала государства. Данные взяты из источника Maddison Project Database — проекта по изучению исторических данных экономической статистики, основанного британским историком экономики Ангусом Мэддисоном.

Из представленных на рисунке данных видно, что экономика СССР обладала мощным потенциалом, соизмеримым с потенциалом основных геополитических игроков того времени, что давало возможность маневра между военно-

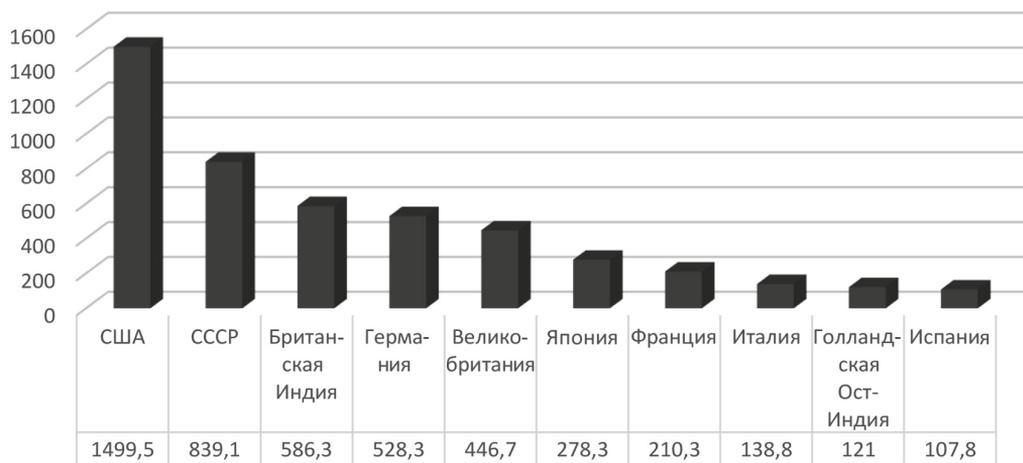

Рис. Крупнейшие экономики мира в 1940 г. (в млрд долл. в пересчете на курс 2011 г.)¹

политическими блоками и установления самостоятельной роли в международной политике.

Этот потенциал и мобилизационные возможности позволили в условиях войны за короткий срок реализовать военно-конверсионную программу, многократно увеличив выпуск военной продукции; используя принципы «конкуренции администраторов», наладить разработку и выпуск новых образцов оружия, техники и модификаций уже имеющихся; расширить посевные площади для сельскохозяйственных культур в районах Сибири и Дальнего Востока. Оперативно была перестроена управленческая институциональная структура. «В 1940 г. Вместо бывших шести был создан двадцать один наркомат» [Караваяева, 2015, с. 109]. Советской системой образования было подготовлено целое молодое поколение образованных людей, которых можно было за три-шесть месяцев подготовить и переподготовить по новой военной специальности для фронта.

Все эти меры позволили экономически выиграть войну к концу 1942 г., когда выпуск военной продукции Советского Союза превзошел германский. Отечественная мобилизационная модель управления позволила не только выиграть эту тяжелую войну, но и восстановить страну по ее окончании. Также именно данным типом управления был заложен экономический, кадровый, научный фундамент, который превратил страну в ядерную и космическую сверхдержаву с лучшей в мире системой образования. Этот опыт является уникальным и до конца не изученным, а некоторые его элементы остаются востребованными в современной экономической политике.

¹ Historical Statistics for the World Economy: 1-2003. URL: ADhttp://www.ggdс.net/Maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_03-2007.xls (дата обращения: 02.04.2021).

Литература

Верхотуров Д. Н. За что Запад не любит Россию. URL: http://www.stoletie.ru/versia/zachto_zapad_ne_lubit_rossiju_194.htm (дата обращения: 02.09.2014).

Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Общества мобилизационного типа: проблемы теории и практики. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 297 с.

Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

Григорьев О. В. Эпоха роста. Лекции по неэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014. 448 с.

Гуань Сюэлин, Чжан Мэн. Политэкономия Владимира Путина. СПб.: СПбГУ, 2017. 329 с.

Зиновьев А. А. Русский эксперимент. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995. 448 с.

Караваева И. В. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. М.: Институт экономики РАН, 2015. 344 с.

Касатонов В. Ю. Экономика Сталина / под ред. О. А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.

Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2018. 414 с.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2017. 496 с.

Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2014. 384 с.

Рекорд С. И. Возможности использования советского наследия промышленных взаимодействий для развития трансграничных промышленно-инновационных кластеров на пространстве СНГ // Проблемы современной экономики. 2012. № 4(44). С. 321–325.

Лагутин Олег Владимирович — канд. полит. наук, доц.; apisol@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10 апреля 2021 г.;

рекомендована в печать: 25 апреля 2021 г.

Для цитирования: Лагутин О. В. Формирование мобилизационной модели экономического развития СССР в условиях нестабильной системы государственного управления в довоенный период // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17, № 2. С. 208–222. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.207>

FORMATION OF THE USSR MOBILIZATION MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF AN UNSTABLE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE PRE-WAR PERIOD

Oleg V. Lagutin

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

apisol@yandex.ru

The article considers the phenomenon of the mobilization model of the economy of the Soviet Union in the interwar period through the concepts of technological zones by Oleg Grigoriev and the pendulum model of management by Alexander Prokhorov. These concepts allow us to analyze the structural features of the Soviet technological zone and its differences from the technological zones of capitalist economies. It is also shown that the domestic technological zone could be formed only in mobilization conditions, when the state management system was formed, ensuring a high level of resource mobilization and their redistribution to special strategic areas of development. The emergency management system creates a mobilization type of economy, which is characterized by the identification of priority economic units (from economic sectors to

enterprises) of strategic importance; centralized management, long-term planning; concentration of investment capital in the production sector; and broad state participation in the economic sphere. A striking historical precedent for an effective mobilization economy is the Stalinist economic model, thanks to which the Soviet Union won an economic victory over Germany at the end of 1942. The selected priorities of the Soviet economy of the Stalinist period are still relevant today: the military-industrial complex; the fuel and energy complex; the agro-industrial complex; the transport system; and the education system. Thanks to the development of these priority socio-economic spheres of the Soviet period, the Russian Federation has a significant and unique scientific and technological, production and personnel base. In the USSR after the Second World War, an innovative model of state development was implemented, which relies on the production of new knowledge.

Keywords: technological zone, mobilization model, division of labor, competition of administrators, territorial production complexes.

References

Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Societies of the mobilization type: problems of theory and practice*. Chelyabinsk, LLC Center for Intellectual Services "Encyclopedia" Publ., 2013. 297 p. (In Russian)

Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century*. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ., 2013. 128 p. (In Russian)

Grigoriev O. V. *The era of growth. Lectures on economics. The rise and fall of the world economic system*. Moscow, Career Press Publ., 2014. 448 p. (In Russian)

Guan Xueliang, Zhang Meng. *Vladimir Putin's Political Economy*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017. 329 p. (In Russian)

Karavaeva I. V. *The Economic Foundation of Victory: parallels of history and modernity*. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2015. 344 p. (In Russian)

Kasatonov V. Yu. *The Economy of Stalin*, ed. by O. A. Platonov. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 416 p. (In Russian)

Parshev A. P. *Why Russia is not America*. Moscow, Krymsky most-9D Publ., STC «FORUM» Publ., 2018. 414 p. (In Russian)

Prokhorov A. P. *Russian model of management*. Moscow, Artemy Lebedev Studio Publishing House, 2017. 496 p. (In Russian)

Reinert E. S. *How rich countries became rich, and why poor countries remain poor*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russian)

Rekord S. I. Possibilities of using the Soviet heritage of industrial interactions for the development of cross-border industrial and innovative clusters in the CIS. *Problems of modern economics*, 2012, no. 4 (44), pp. 321–325. (In Russian)

Verkhoturov D. N. *Why the West does not like Russia*. Available at: http://www.stoletie.ru/versia/za_chto_zapad_ne_lubit_rossiju_194.htm (accessed: 02.09.2014). (In Russian)

Zinoviev A. A. *Russian experiment*. Moscow, L'age d'Homme — Nash dom Publ, 1995. 448 p. (In Russian)

Received: April 10, 2021

Accepted: April 25, 2021

For citation: Lagutin O. V. Formation of the USSR mobilization model of economic development in the conditions of an unstable system of public administration in the pre-war period. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 208–222.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.207> (In Russian)